

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА****УРБАНИЗАЦИЯ КАК ХОЗЯЙСТВО: ВЕДОМСТВЕННЫЕ ГОРОДА
НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1960 – 1980 гг.)****И.Н. Стась**

В Советском Союзе заселение и освоение Сибири происходило в форме создания крупных территориально-производственных комплексов. Составляющей частью этих проектов было формирование систем расселения, обеспечивающих координацию производства не только на социально-экономических макроструктурах, но и на низовом человеческом уровне. По этой причине основные подходы к исследованию советской урбанизации определяют ее важнейшим объектом модернизационного развития, главной движущей силой которого являлось государство. Акцентируя внимания на модернизационных факторах в урбанизации, историки при этом часто оставляют без ответа другие, более существенные вопросы: Каким образом государство осуществляло управление урбанизацией? Через какие практики это управление происходило? Проистекало оно от городских (региональных, местных) или отраслевых (ведомственных) начал? Ответы на эти вопросы можно найти при анализе своеобразных метауровней, в поле которых действовали властные субъекты урбанизации: 1) Системы городского расселения; 2) Городской среды; 3) Городской идентификации. В статье предпринята попытка раскрыть эти метауровни и взаимодействие в них субъектов в процессе урбанизации нефтедобывающих районов Западной Сибири.

В начале 1960-х гг., после открытия нефтяных месторождений в Западно-Сибирской низменности, за Уралом стал реализовываться новый территориально-производственный проект Советского правительства, в основе которого лежало создание нефтегазодобывающей промышленной базы. В 1964 г. последовала пробная эксплуатация месторождений, а через год и промышленная добыча нефти в Среднем Приобье Западной Сибири. Первоначальное освоение осуществляли геологи и нефтяники Среднеуральского совнархоза, который

в 1965 г. сменили Министерство геологии СССР и Министерство нефтедобывающей промышленности СССР. В середине 1960-х гг. в регион высадились строители, которых курировало Министерство газовой промышленности СССР. В структуре министерств были созданы Главные управления — Главтюменнефтегаз, Главтюменгеология и Главтюменнефтегазстрой. В руках этих ведомств сосредоточилась вся полнота власти в сфере исполнения политических решений в нефтедобывающих районах Западной Сибири.

Изначально министерства не имели ясной концепции градостроительного освоения Севера Западной Сибири, которая бы учитывала реалии региона: сложные природно-климатические условия, огромные неосвоенные пространства, неразвитость транспортной системы, малую плотность населения. Отсутствие людских ресурсов на территории освоения, привело к тому, что ведомства просто стихийно заселяли регион рабочими из различных регионов страны, в первую очередь, из прилегающих районов Урала-Поволжья и Западной Сибири. Система расселения нефтяников и практика возведения поселений для рабочих в нефтедобывающих районах Урало-Поволжья была слепо скопирована ведомствами в нефтяном крае Западной Сибири. Населенные пункты, с низким уровнем благоустройства и некомплексной застройкой, массово ставились у месторождений. Стихийно и хаотично разрастаясь, эти поселения получали статус рабочих посёлков, а потом и городов. В Среднем Приобье Западной Сибири таким поселениями стали Урай, Нефтеюганск, Нижневартовский, Игрим, Мегион, Тазовское, а также Сургут, вокруг которого образовалось несколько поселений, принадлежащих ведомствам. В 1965 г. статус города получили Сургут и Урай, а в 1967 г. — Нефтеюганск.

Резко против такой градостроительной по-

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

литики выступили региональные элиты, которые представляли руководители Тюменского обкома КПСС и Тюменского облисполкома. Ими разрабатывался иной подход, который, по их мнению, наиболее рационально отвечал вызовам нефтедобывающей промышленности и улучшению жилищных условий работающих в новых отраслях промышленности: возведение крупных городов-центров районов нефтедобычи, вместо строительства множества небольших городов у месторождений. По инициативе обкома и облисполкома в 1964 г. институтами Гипрогор и Башнефтепроект стали разрабатываться генпланы будущих городов Урая, Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута, а также схема расселения Сургут-Ханты-Мансийского промышленного района. Архитекторы и градостроители спроектировали схему централизованного расселения с преимущественным созданием городов-центров нефтяных районов. В историографии схема получила название «базовый город — вахтовый поселок», поскольку означала строительство крупных городов и отказ от стационарных поселков на отдельных месторождениях и замену их вахтовыми поселками со сменным дежурным персоналом.

До конца 1960-х гг. между ведомственными и региональными элитами шло противостояние за выбор концепции градостроительного освоения нефтяного края. Позицию Тюменского руководства поддержал Госплан СССР, в лице его председателя Н. К. Байбакова. Благодаря этому на государственном уровне была принята схема централизованного расселения, которая нашла отражение в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 11 декабря 1969 г. В проекте Гипрогора центрами нефтяных районов намечались базовые города — Сургут, Нижневартовск, Урай и Южный Балык. Возведение других городов и крупных поселков запрещалось.

Казалось, что теперь схема расселения и города нефтяников будут развиваться согласно градостроительным планам. Однако в реальности это оказалось совсем не так. Под влиянием ведомств схема расселения стала существенно изменяться. Резко против строительства города Южный Балык, который должен был стать центром эксплуатации

Южно-Балыкской группы месторождений, выступили Миннефтепром СССР и Главтюменнефтегаз, несмотря на то, что в октябре 1972 г. генплан города, разработанный институтом ЛенНИИП-градостроительства, был утвержден Тюменским облисполкомом. Дело было в том, что пока проектировался Южный Балык нефтяники самовольно и бесконтрольно застраивали город Нефтеюганск, который фактически становился центром при эксплуатации Южно-Балыкских месторождений, вместо города Южный Балык. Для нефтяников этот сценарий был намного проще, чем возведение нового города, который функционально должен был заменить Нефтеюганск. Руководство Тюменской области было против дальнейшего строительства Нефтеюганска, поскольку город стоял прямо на нефтяном месторождении и непригодной для строительства площадке — он занимал островное местоположение на пойменных территориях реки Обь и ее протоки Юганская Обь. Отказавшись от строительства спроектированного города Южный Балык, нефтяники в то же время застраивали на Южно-Балыкском месторождении вахтовый поселок Мамонтово без каких-либо градостроительных норм, который превращался в настоящий рабочий поселок с населением несколько тысяч чел., а затем и в город (в 1990 г. поселок стал городом Пыть-Ях).

Показательная ситуация сложилась вокруг рабочего поселка Мегион, созданного в начале 1960-х гг. как пионерный поселок при освоении Мегионского нефтяного месторождения. В генплане поселка от 1973 г. отмечалось, что он входил «в агломерацию г. Нижневартовска, а его развитие ограничивается завершением обустройства существующих предприятий» [5, л. 425 – 426]. Однако ведомства не собирались считаться с генпланом. В 1979 г. руководству Тюменской области и начальникам основных главков было послано коллективное письмо от депутатов областного, окружного, районного и поселкового Советов. Депутаты резко осудили деятельность ведомств, которая стала главным фактором деградации жилищно-бытовых условий в Мегионе. Еще в начале 1976 г. они обращались в Миннефтепром СССР с просьбой немедленно принять меры. На что от заместителя ми-

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

нистра Ш. С. Донгаряна был получен следующий ответ: «Миннефтепром считает нецелесообразным свое участие в дальнейшем развитии поселка Мегион, а также размещение в нем нефтегазодобывающего управления» [7, л. 171]. Несмотря на это заявление, нефтяники расположили в городе не одно предприятие, а количество работающих в нефтяной промышленности увеличилось в три раза, с 1850 чел. до 5700 чел.

Из-за отставания в строительстве социально-культурных и коммунальных объектов в 1976 г. облисполком запретил дальнейшее возведение жилых домов в поселке до исправления сложившейся ситуации главками. Но ведомства не хотели решать проблемы, а самовольно принялись застраивать поселок жилыми домами: за 1976 – 1978 гг. ими было построено свыше 12 тыс. кв. метров. Комиссия по проверке письма группы депутатов констатировала: «неудовлетворительное положение с жилищно-бытовым и коммунальным обслуживанием населения поселка явилось вследствие того, что Главтюменнефтегаз, организации Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности превысили предусмотренные генпланом численность градообразующих кадров поселка в 2-2,5 раза» [7, л. 138]. Депутаты выступили за строительство в ближайшие годы 150 тыс. кв. метров жилья и преобразование поселка Мегион в город, что должно было способствовать развитию населенного пункта. Понимая, что дальнейшее хаотичное расширение поселка недопустимо, прошение депутатов было принято. В июле 1980 г. Мегион получил статус города.

Итак, под влиянием Миннефтепрома СССР реализация централизованного расселения в нефтедобывающих районах все дальше отдалялось от проекта Гипрогора: помимо городов Сургут, Урай и Нижневартовск, в Среднем Приобье росли непредусмотренные города Нефтеюганск и Мегион, а спроектированный город Южный Балык не нашел поддержки у нефтяников. Схема «базовый город — вахтовый поселок» также деформировалась из-за того, что нефтяники не понимали суть временных благоустроенных вахтовых поселений, неконтролируемо привлекали в них рабочих, разрешали се-

литься вместе с семьями, хаотично осуществляли застройку. Временные вахтовые поселки превращались в постоянные. В этой ситуации разрушение централизованной системы расселения было не остановить. Нефтяная элита ратовала за принятие новой концепции градостроительного освоения нефтегазодобывающий районов Западной Сибири, в основе которой лежало стремление приблизить жилье к месторождениям или объектам межпромыслового обслуживания, т. е. возврат к традиционному, стационарному расселению по мелким населенным пунктам многих десятков тысяч человек. Принятие новой схемы расселения было предложено Совету Министров СССР Министерством нефтяной промышленности. В 1980 г. по заказу Миннефтепрома СССР Гипрогором была разработана новая схема расселения, предусматривающая формирование 18 новых городов и поселков городского типа в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе. Представители нефтяного министерства, вспоминали принятие новой концепции как свою триумфальную победу: «В конечном итоге директивные органы признали правоту нефтяников и в одном из постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР узаконили одним махом строительство 15 новых городов в Тюменской области. Это была важная победа знатоков основ непрерывного промышленного работающего человека» [8, с. 192].

Таким образом, система городского расселения в нефтедобывающих районах Западной Сибири организовывалась в зависимости от градостроительной политики Министерства нефтяной промышленности, которое стремилось создавать города вблизи месторождений и не обращало внимания на градостроительные проекты и схемы расселения, утвержденные Тюменским руководством.

Как и городское расселение, процесс формирования городской среды в новых населенных пунктах нефтедобывающих районов подчинялся бессистемным производственно-хозяйственным законам. Все началось с геологов. Геологическая разведка на территории Севера Западной Сибири в конце 1940-х гг. – 1950-х гг. способствовала появлению в регионе новых типов поселений — поселков геологов. Эта «эстафета» освоения была подхваче-

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

на нефтяниками в феврале 1964 г., когда они высадились в населенных пунктах Ханты-Мансийского округа, приступив к промышленной эксплуатации месторождений. С застройки поселков геологов и нефтяников начиналось строительство новых городов. После геологов и нефтяников в населенных пунктах появились строители и энергетики, аналогично принявшие ставить свои автономные поселки. Населенные пункты застраивались балками, землянками, палатками, бараками. Балки — деревянные или металлические неблагоустроенные домики, строившиеся из различных подсобных материалов — выступали главным элементом застройки. Чуть позже стали возводиться брусчатые двухэтажные дома на 8, 12 и 16 квартир.

Ведомства возводили населенные пункты без надлежащих инженерно-геодезических изысканий в местах, которые наиболее отвечали производственным интересам. Проектно-изыскательные работы по пионерным поселкам начинались только в разгар их строительства. Проектирование происходило ведомственно. Работы выполняли отраслевые институты, которые не специализировались на градостроительных проектах. Например, проектированием поселков-микрорайонов Сургута занимались Гипротюменнефтегаз, Гипрогеолстрой, Сибгипроречтранс, Уралтеплоэлектропроект, Сибгипротранс. Институтами не учитывался единый архитектурно-планировочный комплекс будущего Сургута, который разрабатывался в градостроительном институте Гипрогор.

Ведомственные поселки стали преобразоваться с конца 1960-х гг., когда началось капитальное типовое пятиэтажное строительство. Однако вплоть до конца 1960-х гг. крупнопанельная застройка в новых городах велась точно — в микрорайонах возвышались лишь единичные пятиэтажные дома. Основная масса жилой застройки была малопривлекательной, и осуществлялась в деревянном исполнении. Более того, капитальные дома, предусмотренные для средней полосы страны, абсолютно не соответствовали природно-климатическим условиям Севера.

Пионерные ведомственные поселки стали значительной проблемой при проектировании и

осуществлении вторых очередей строительства городов нефтяников, последовавших во второй половине 1970-х гг. Временные поселки, вагон-городки, балки, склады и гаражи размещались на территориях, предназначенных для капитальной застройки и общегородского центра, набережной и зеленых массивах. Так, в конце 1970-х гг. Сургут продолжал оставаться городом из обособленных жилых поселков (наиболее крупными были — нефтяников, энергетиков, строителей, геологов, рыбаков, железнодорожников, Старый Сургут, Черный Мыс). Несмотря на то, что генеральным заказчиком строительства Сургута был Главтюменнефтегаз, фактически застройка осуществлялась 23 заказчиками, которые не стремились к централизации средств и организации единой архитектурно-планировочной структуры города [6, л. 21]. В целом город имел разобщенную архитектурно-планировочную композицию, не было ни одной завершенной общегородской магистрали, улицы, площади, набережной.

В генпланах городов нефтяников было решено сносить пионерные поселки. Однако ведомства не шли на это, поскольку не знали, куда переселять жителей этих поселков. Кроме жилых микрорайонов-поселков, ведомственно застраивались и промышленные зоны. При наличии разработанных схем функционального зонирования на промзонах хаотично ставились мелкие промышленные здания, которые не кооперировались в крупные объекты, проектирование площадок велось несогласованно.

Преодоление ведомственной разобщенности частично последовало только в 1980-х гг., когда в 1979 г. были приняты новые генпланы городов нефтяников, а их выполнение и реализация устанавливалась в партийно-правительственном постановлении. Реализация генпланов и массовая капитальная застройка в 1980-х гг. соединила некоторые ведомственные поселки, стали формироваться общегородские центры, площади и магистрали. Однако в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и других городах общегородской центр так и не приобрел окончательное оформление, какое задумывалось в генпланах. Кроме того, массовая жилищная застройка в 1980-х гг., осуществлявшаяся

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

ведомствами, приводила к уничтожению важных элементов городской среды. Так, историческая деревянная застройка, располагавшаяся в Старом Сургуте, полностью была уничтожена в первой половине 1980-х гг.: здесь были выстроены крупнопанельные многоэтажки и Старый Сургут стал частью микрорайона энергетиков.

Небольшие города нефтяников, которые возводились после принятия новой стратегии расселения в 1980 г., также в значительной степени имели хаотичную и неблагоустроенную городскую среду. Пионерная временная застройка из разобщенных ведомственных поселков и вагон-городков в этих городах вела к тому, что линейная архитектурно-планировочная структура городов, предусмотренная в генпланах, формировалась лишь отчасти. Неблагоустроенная поселковая среда особенно была характерна для Пыть-Яха, Нягани, Мегиона, Когалыма.

В 1980-х гг. огромной проблемой в городах нефтяников стало разрастание территорий, застроенных самовольным временным неблагоустроенным жильем – балками, бочками-цилиндрами, вагончиками. В крупных городах округа — Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске — появились настоящие трущобы из балков и вагончиков. По данным Главтюменнефтегаза, в 1982 г. в Нижневартовске 18,3% нефтяников и их семей проживало в балках и вагончиках, в Сургуте — 34,5%, а в новых рабочих поселках — 48,5% [3, с. 146]. Жизненное пространство горожан в значительной степени формировалось в ведомственных общежитиях. В 1986 г. в Сургуте в общежитиях проживало 32,5 тыс. чел., а в Нижневартовске — 23,6 тыс. чел (15% и 12% соответственно от всех жителей города). В целом такое строительство привело к тому, что подавляющая часть жилищного фонда в городах нефтяников стала принадлежать ведомствам. В середине 1980-х гг. в городах РСФСР и Западной Сибири ведомствам принадлежало 45% и 52% жилья, в то время как в нефтяных городах Западной Сибири эти цифры держались в районе 90% [4, л. 124].

Социокультурное пространство новых городов также организовывалось посредством ведомственной структуры, которая на практике заменила

спроектированную ступенчатую систему социокультурного обслуживания. Каждое ведомство создавало свое автономное хозяйство с примитивной сетью социальных учреждений и предприятий обслуживания. В городах в основном строилось минимальное число типовых культурных и социально-бытовых учреждений. Эти предприятия преимущественно принадлежали производственным организациям и, вследствие этого, обслуживали главным образом только своих рабочих. Поэтому они постоянно дублировались. Все это вело к формированию разрозненной социальной городской среды.

Таким образом, развитие городской среды в населенных пунктах нефтяников непосредственно зависело от основных градообразующих предприятий, а не от городских властей. Ведомственная сущность городской среды проявлялась через поселковость архитектурно-планировочного пространства городов, разрастание трущобных окраин, разобщенность социокультурной и бытовой сферы, дублировавшейся по «хозяйствам», абсолютное доминирование ведомственного распределения жилья при незначительной доле муниципального, индивидуального и кооперативного жилфонда.

Расположение опорных элементов культурного пространства в разных частях городов, типовая неэстетическая архитектура и «строящееся» состояние большинства учреждений вели к тому, что в городах не общегородские улицы и ансамбли выступали основными культурными и ментальными факторами становления городской идентичности и пунктами ориентации в городах, а ведомственные микрорайоны-поселки. Культурное пространство городов формировалось вокруг ведомственных Домов культуры и прилегающих к ним площадей, Домов спорта, торговые центры, парков, центральных улиц поселков, которые имели отраслевые названия. Такая ведомственная культура вела к тому, что у жителей городов формировался общинно-коммунальный дух, характерный больше для деревень и поселков. В городах преобладало взаимное личное знакомство жителей друг с другом, и в некоторой степени города росли и расширялись посред-

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

ством соседской связи, а не за счет обезличенных общественных отношений. Большинство жителей городов нефтяников не идентифицировали себя как «горожан». Мало было тех, кто мог спокойно себя назвать «сургутянином», «нижневартовцем» или «нефтеюганцем». В информационном, административном и даже в поэтическом дискурсах фиксировалась организованная, а не естественная, идентификация населения, базировавшая на отношении к труду — «трудящиеся», «рабочие», «работающие» — это в широком плане, а в более узком был задействован профессионально-отраслевой критерий — «нефтяники», «геологи», «строители», «газовики», «энергетики». Однако главенствующее место в иерархии идентичностей занимали «нефтяники». Именно поэтому строящиеся города получали образы «нефтяных городов» или «городов нефтяников», которые закреплялись в различных дискурсах. Нефтяная идентичность заменила общегородскую.

На протяжении 1960 – 1970-х гг. совокупность всех отраслевых идентичностей едва образовывала категорию «горожане», потому что тогда еще не было сформировано постоянное городское население, находившееся скорее в мобильном или текучем состоянии, готовое уехать из региона в любой момент, по причине плохих условий для жизни. В 1980-х гг., когда постепенно улучшились элементы городской среды и жилищные условия и увеличился процент естественного прироста населения, в городах организовывалась настоящая общегородская идентичность.

Вместе с тем нефтяная отраслевая идентичность в конце 1970-х гг. стала проявляться в ландшафтных символах городов. Создавались памятники из скважин, первыми давшими нефть из месторождений Западной Сибири. В Сургуте объединяющую символическую функцию отчасти выполняла поставленная в начале 1980-х гг. стела «Разорванная труба, или Факел», представляющая собой газовый фонтан. В 1977 г. геокультурный образ «город первой нефти» в Урае нашел отражение в памятнике «Первооткрывателям Западно-Сибирской нефти». Особым символом Нижневартовска стал 22-метровый памятник «Покорителям Самот-

лора» (Самотлор — крупнейшее в стране нефтяное месторождение). Так, в геокультурном пространстве утверждались образы — «города нефтяников» и «нефтяные города».

Город мыслился как «государственное» и «социалистическое» хозяйство, управлением которого занимались министерства и ведомства. В этом плане города не принадлежали сами себе, а подчинялись всевышним ведомствам, и тем, кто их представлял. Макс Вебер отмечал, что одним из признаков города является наличие в городе ойкоса вотчинника или князя («grundherrlichen oder fürstlichen Oikos») [2, с. 309 – 330]. Можно с уверенностью сказать, что такой признак присутствовал и в городах нефтяников Западной Сибири. «Вотчинниками» выступали главки. Об этом пишут известные историки В. В. Алексеев и В. А. Ламин: «Многочисленные главки, как удельные княжества, независимо друг от друга, а нередко и в ущерб друг другу пытались вести свое хозяйство, что наносило значительный урон государству» [1, с. 242].

Для Сургута особой, «княжеской» фигурой выступал геолог Ф. К. Салманов. В краеведческом нарративе его называют «человеком, возродившим наш город». В 1957 г. под его руководством в село Сургут высадились геологоразведочная экспедиция, в силу чего населенный пункт получил статус поселка городского типа. Но главным «ведомственным князем» региона был руководитель Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко, которого за рубежом прямо называли «нефтяным королем Сибири» [9, с. 65]. Эту аналогию хорошо понимали современники. Настоящим создателем и хозяином городов показан В. И. Муравленко в документальной повести «Нефтяник». Вместе с тем в повести персонажу В. И. Муравленко дано понимание своей «княжеской» сущности, — он осознает, что ведомства противодействуют городу. Вот как реагировал руководитель главка на сравнение поселков с хуторами: «Пожалуй, не хутора, — Виктор Иванович широко развел руки, — целые удельные княжества, да, да, ведомственные удельные княжества, — повторил он, — со своей многочисленной обслугой. Как же, каждое ведомство строит свою котельную, свою электростанцию, свой водопровод,

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

свою баньку, прачечную, пекарню, все свое свое.. а не сургутское, хотя живем-то мы на сургутской земле» [10, с. 126 – 127].

Городские и региональные элиты, которые рассуждали категориями «города», а не «хозяйства», не могли существенно противостоять ведомствам, поскольку те не только не были в их юрисдикции, находившись на более высокой ступени государственной иерархии, но и допускали их к властным отношениям лишь в рамках «хозяйственного языка», на котором «разговаривали» ведомства. Однако это не означало, что отсутствовала критика ведомств со стороны местных властей. Она еще как была. Протоколы заседаний Тюменского облисполкома об этом ярко свидетельствуют. Но ниже — на уровне горсоветов — критика сводилась к нулю. Еще важный момент заключался в том, в советской системе общественных отношений, когда гражданское общество было неразвитым и ему не давали свободно высказываться, «городской язык» местных элит был лишь частично сформирован. В присутствии ведомственной элиты, крупных министерских начальников, региональные и городские руководители переходили на «хозяйственный язык», включались в дискурсное поле ведомств, тем самым предавали городские интересы, действовали не как защитники и представители городов и горожан, но как поборники «передового производства». Об этом говорят и факты, когда партийные или советские чиновники с легкостью меняли свои рабочие места на должности в министерствах и ведомствах, тем самым изменяли свои ценностные ориентиры и вставали на защиту ведомственных интересов. Наиболее показателен пример Б. Е. Щербины, первого секретаря Тюменского обкома в 1961 – 1973 гг., который не стеснялся в письмах в ЦК КПСС и Совет Министров ругать ведомства, но когда получил должность Министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, стал действовать в первую очередь как покровитель подчиненного ведомства — Главтюменнефтегазстроя, — которое не стремилось решать проблемы строительства в городах нефтяников. Эти примеры показывали, что городские элиты не идентифицировали однозначно себя с городом,

колебались между двух источников идентичности — городской и отраслевой, и в итоге больше склонялись к последней.

Таким образом, взаимодействие субъектов урбанизации — городских и отраслевых элит — в нефтедобывающих районах Западной Сибири осуществлялось при жестком доминировании министерств и ведомств. Посредством ведомственного управления государство осуществляло не только модернизацию производства, но и развитие городов. Городские интересы практически никак не учитывались в управлении производством и городами нефтедобывающих районов Западной Сибири. На всех метауровнях — при организации системы городского расселения, городской среды и городской идентичности — урбанизация рассматривалась как развитие городского хозяйства, принадлежащего ведомствам. Именно поэтому можно утверждать, что города нефтяников Западной Сибири были не столько социалистическими, советскими или промышленными, сколько ведомственными городами.

Список литературы и источников

1. Алексеев В. В., Ламин В. А. Прометеи сибирской нефти. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 272 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
3. Гапонова Т. Г. Жилищные условия на Тюменском Севере // Социологические исследования проблем города и жилища (1970-1980 гг.). — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 142 – 147.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 1. Д. 7954.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 5299.
6. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5662.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218.
8. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. — М.: МЦА «Суханово»,

**ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ
И БУДУЩЕЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА**

2004. — 512 с.

9. Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. — 172 с.

10. Юрасова М. К., Юрасова Г. М. Нефтяник: (Док. повесть). — М.: Сов. Россия, 1981. — 256 с.